

ПИСЬМА ДЯТЛОВА, ИВАН АЛЕКСЕИЧА, ЖЕНЕ ЕГО, АННЕ ДЯТЛОВОЙ И АЛЕШЕ

САША НИКОЛАЕННО
Родилась в Москве
в 1976 году. Прозаик,
художник, иллюстратор.
Лауреат литературной премии
«Русский Буннер» за лучший
роман на русском языке
«Убить Бобринина. История
одного убийства». Финалист
литературной премии «Ясная
Поляна» за роман «Небесный

почтальон Федя Булнин».
Прозаические публикации
в журналах «Урал», «Новый
мир», «Знамя», «Сибирские
огни». Лауреат премии
журнала «Этани» в прозаиче-
ской номинации «Сестра
моя — жизнь» в честь
130-летия Бориса Пастерна-
ка за подборку рассказов
«Ответный удар».

Что за пахота, если плуг тянуть во все стороны? Где у всякой сакли свой Моисей, да на всякую отечество свой пророк, зря посеяли, не взойдет! Не взойдет, где каждый «я» Богоизбранный; не взойдет, где прав ведет свой народ во земли обетованные бедовать, со «благословления Господнего» под копыта попавших пахарей забивать! Не взойдет, где святыня праведность воровать, не взойдет, где святыня праведность истреблять, не взойдет, где святыня праведность покарать... Что за склочное общежитие? И как нет над нами неба единого, нету неба-то, нет его...

И. А. Дятлов

Начинаю чтение Библии, сего дня. 27.10.2023.

И о жизни.

Все в порядке, жив потихонечку, все скрипим; давление, правда, прыгает, но ведь человек и жив, пока прыгает, как Андрей Николаевич говорил. Дождь в окно до обеда смотрел, увлекательней телевизора, до чего живительна для земли эта, так котам с пешеходами неприятная, богодатель.

Прилетели грачи, и я думаю, что не будет когда у них меня в законные зрители, точно так же станут весной они прилетать, расхаживать, букашек выклеивать, поживать... слава Богу, станут, верно же, Анюшка? — что на мне не закончится, не прервется, не остановится, чем не утешение

это, а? Ведь должно бы быть... Должно, да не так. Маловато во всем другом, да не в нем, человеку бессмертия, завить, ревность, Анюшка, эгоизм! Я и в детстве, знаешь, мечтал — умру, назло всем обидевшим... Но не с тем мечтал, чтоб шагнуть в безвозвратное, с тем мечтал — подсмотреть, как они пожалеют, Анюшка, что обидели, пожалеют, Анюшка, обо мне... И сейчас бы так помер бы, подсмотрел...

Худо то, что есть среди нас такие избранные, что для них, себя кроме-то, ни воробушка, ни черта. Ничего, понимаешь, мил ты мой, никого. Посмотреть бы вот, померев, куда такие вот нелюби за чертою могильной денутся, где их ад? Я же, вечное бы им одиночество, на все их бессмертие прописал.

За одним грачом смотрел, как кошка охотилась, хоть и кормят при кухне больничной кошек тех хорошо, но она это, видимо, из инстинкта — охотница. Кошка, даже если и сытая, ленивая и домашняя, все равно внутри у ней — «птицу сцапаю». Вот ползла она по-пластунски, даже хвост прижала к земле, а потом подкралась и прыгнула, грач — взлетел! И я всей душой ликовав за грача за этого, что вот так ускользнул смерти лютые, но и всей душой было жалко кошки той, Бог лишь знает, Анюшка, почему.

подь мне Бог – муравей. И не то что «волк, не тронь агнца!» – но «будь жив от плоти Моей». Тут природа Духа Христова, жертвенна! Тут не слабый пища для сильного, но от сильного питаемо все. Значит сила Духа животворящего есть не гнев библейский карающий, не огонь неверных испепеляющий, но нерукотворная сила смерти против стоящая, во любви.

И ведь просто все, Анюшка! Никакого ада, котловища кипящего грешникам, рая праведным, потому что, коли истинно праведен, как он будет райствовать в знании, что другие стонут в котле? Ведь из этого рая, Анюшка, из бессмертия этого, первым к людям в ад и смерть спустился Христос.

Но нам сказано в утешение (потому что без утешения совесть спать не дает) – «Если человек решил воду пить из грязного озера, разве виноваты в том те, что пили из чистого?» Виноваты! Виноваты в ковчеге спасенные, виноваты из чистого пившее, ибо имя им равнодушные. Виноваты ли, что пили из чистого? – «Разве сторож брату я своему?»

«И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый...»

Хорошо ли? Что-то очень сомнительно. Справедливости нет! Для чего друг другом нас прокормил? Вот и жрет волк агнца, что ему на это сила дана. А что сила та дана ему агнцем? А что агнец тот Господь? Что я, Анюшка, даже в супе курицу ем от Тела и Духа Его?!

Светит солнышко, светит ясное, всяк под ним со своею стремянкою, со своим ведром к роднику, да ближнего в том ведре сварить норовит. Дал зерно – не посеяли, подрались! Дал огонь – соседа сожгли, сына дал – распяли его. Выбор дал? – так ведь не было ж выбора! – «и волос не падет без воли Его!». Всяк до рая, бессмертия заветного, жизнь влачит постылую, Богоданную, всякий праведен, пред чертом своим. Да еще великое утешение придумали: дал – забрал. А ведь убери из предложения этого про «забрал» слово подлое, и останется только истина – Всею жизнь бессмертную даровал.

Наг и царь и нищ, и младенцу мать нужна, не люлька злата. Не царева наследника мать родит, а дитя, от любви родит, во крови. А усопшему что плита гранитная, что могила братская – все одно, и в одной земле похоронен род, пошедший на род. Справедливо ли так устроено? В том и дело, что да, только вот справедливость меж равными человеками «Бог един, да мой, и правда моя», а не-

верного покарать, да для нищего у царя хоромы царские отобрать. А хоромы царские – небеса. Кто богаче под ними, нищ или царь? Кто под ними праведней убивать, покушаясь на жизнь Богоданную? Богом данную...

Кто преступен для горнего неба синего? Или нас гроза на праведных и неправедных придет разделить? От чего же небо нахмурилось над виновными и невинными? Дождь Анчар поит, и три тополя, и укроют поле бранное снежные Богородичны покровы? А не потому ли так, что за тою чертой гранитною равен нищему станет царь? А не потому ли так, что и праведник равен грешному, перед страхом смерти своей? И не потому ли так, что смерть не нашу «справедливостью», но своим чередом придет искупить преступного, а иначе как же небу всевышнему уравнивать меж собой всех «праведных» убивать?

Спросят сильные: «Меч на зло не поднять? Преступного не распять?» Да ведь был, по воле вашей всех преступных преступнее? Вы уже распяли Его...

Скажут слабые: «Слабы мы, да за нас покарает Бог». Перед силой всевышней, всемогущей всякий слаб. Покаравший эту силу станет сам истребителем. Справедливость сильного в милосердии, сила сильного в доброте. Если же в истребителя силу верите, так и вы такие, как он.

Спросят праведны: «Были праведны, а зачем? Ни землей, ни небом не будет нам за то воздаяния?» Да какой же ты праведный, коли ты из-за воздаяния не грешил?

Скажут грешные: «Преступили, убили, ограбили, после в Храм пошли да покаяться – отпустил!» Отпустил, значит, дальше злодействовать попустил. Человеком человеку человекоубийство отпущено, епитимия все исправила... А внутри не отпустит Бог. Есть поболее страха смертного в человеке для зла непреступное, и предел преступлению положил не Божий страх наказания, Божий страх преступления.

Скажут честные: «Значит, так отпустить его? Пусть злодействует? Не несет нигде убийца ответственность за свои злодеяния?» Отчего «нигде»? А в самом себе, да всю жизнь? Уживись в себе самом мучитель с замученным, равнодушный с отчаянным, ложь со истиной. Уживись Нагорная с ревностным, уживись Христос с палачом.

Скажут смертные: «Смерть преступному!» А без вас она не явится к палачу? Вправе я топор поднять на жизнь Богоданную? Но топор смогу отнять – отниму.

Скажут пастыри: «Божий страх держит овчища во благия покорности...» Паству страх «во благой покорности» удержал в хлеву у корытища, чтобы пастырем быти съеденным. Самый страшный волчище – страх. Без клетки, плети, и баланды корытняя, удержала руку от преступления лишь любовь. А любовь всевышняя – всепрощение.

«Но нам сказано, в Апокалипсис будем разделены! И небесный Иерусалим откроет врата для праведных, а неправедным ад разверзнется». Нет, мы здесь, во земном раю, распахнули аду врата. Апокалипсис наступил. На пиру его «справедливость праведных, “богоизбранных”» празднует, все себе неугодное истреблять... Не гражданская ныне, не братская, но Отцеубийственная война.

Скажут правые: «Если убивающих не карать, так они нас всех истребят!» Нет, всех тот истребит, у кого будет праведность истреблять; тот нас всех истребит, кто сказал – «не будет прощения...»

Фильм сегодня смотрели, «Стрелок Ворошиловский», ибо выгнали в рекреацию, дезинфекцию проводя. Вот пошел за девочку, внучку, насильникам мстить старик, убивать пошел, ибо нет в суде земном справедливости, а у зла ухмылки златы. И я, Аня, пойму его, потому что я не Бог, человек, не могу простить над дитем моим злодеяния. Но ведь это значит, в тот самый, обещанный мне Апокалипсис с отделением, тоже не верую, верно, а? Или просто обождать не могу? Или, может, иная там от Господа справедливость выпадет? Это значит, в Бога высшую справедливость не верую и вообще не верю в Него. Ни в того, что всех простит, у которого смерть всему искупление, ни в того, что будет делить.

Что за Бог таков, всемогущий Бог, что повсюду есть и присутствует, равнодушно взирая на извергов? Не карает их, не спасает невинного... А скажу тебе, Анна, что! Дух он, жизни Дух, жизнь дарующий. Только Дух беспомощен покарать. Но меж смертью и жизнью – жизнь этот Дух, между ненавистью и мщением – милосердие, меж любовью и ревностью – Он любовь. Меж «не будет прощения» и прощением – всепрощение. И не где-нибудь нашел себе пристань телесную, но же в нас.

Говоришь ты, Ветхий Завет для тебя всего лишь повесть пути человеческого, от ошибок к Богу ведет, но при том на ошибках не учишься, если «да» говоришь на жертвоприношение ребеночка, если «да» говоришь обману отца, если «да» говоришь в каратели превращенному Духу Созидателя и Творца. Как ты можешь верить в Христа, если веришь в благословившего истребление жизни

Антихриста? Аня, Анюшка, понимаю я, потонула жизнь в человеческой справедливости, ибо «всякому, да своя». Только вот никак не сойтись милосердному с истребителем, потому что один из них военный хирург, для какого не вера, а пуля враг, а другой на праведных и неправедных человеческий госпиталь разделил.

И один был мертв, был пустыня, был тьма безвидная, безвременная, а другой от тьмы той свет отделил. И один кровью пил, другой своею поил, вот чего никак не увидите, не разделите. Оба в нас.

Так чего же ты не можешь принять в том, что высшая справедливость во всепрощении? В том, что всякому смертью искупится и сквозь смерть даруется очищение? Разве грешен младенец, в жизнь приходя? Разве это дитя рождение не прощенье, не воскрешение? Всякий раз... Всякий раз!

Всех простить? Не могу, ни себе простить, никому. Но когда своей справедливостью раздирали одежды «преступного», Он сказал «прости им, ибо не ведают, что творят».

Вот, подобны образу Божьему, а сей образ карателя, в том спасителя и защитника... Но ведь Он надежда на лучшее... Или лучшее в истреблении? Может, нам не «в чем подобны искать», но, напротив, в чем непосильно нам пока уподобиться? В чем никак не можем к Нему приблизиться?

В справедливости всепрощения?

Правду Он сказал. Хорошо все было устроено, то и худо, что хорошо. Потому что не от древа познания, но от зависти, от своей «богоизбранной» справедливости пригубил погибели человек.

Глава 2

Вот, свершилось. Жизнь от Духа взялась и плоть от бесплотного. Светом малым огромное стало видимо, ибо малое больше огромного, если видимо. От единомертвого, неделимого, стало братство живое разностей, и предел был положен делением неподвижному, и в делении приумножилось. Отделилось небо от суши, суша от вод, род от рода, племя от племени, и закон конечности был положен земному, тленному, и бессмертие Духу жизни положено, беспредельное. Появилось семя от плодного, семя горние, ибо семя – завтра света закатного, а закат осанна прошедшему, безвозвратному.

Были равные, стали разные, но от разности не убавилось, потому что разны детки, да равно любимые. И великой силой творящей поднялись воды радугой над недвижимым, в испарении стали ливнями, напоили мертвую твердь. Стала

синь бездонная из безвидного, стало воинство душ подводное, земное, небесное, стала рать живая, дышащая, от Духа животворящего, в семенах и плодах бессмертная, Богоданная.

Или нет? Потому что здесь выбери, и от этого выбора некуда: либо Дух животворящий, либо же истребляющий, либо миру Собою пожертвовал, либо миром Себе.

Он творил из смерти вечной жизнь вечную, и не Лазаря, но пустыню мертвую воробьиным щебетом, травами воскресил. Лишь одно существо, добытийное, доначальное, сутью мертвое и безвидное, посылать могло тому Духу проклятия, смерть начальную себе жаждая возратить. Если прав я, Анюшка, дом для Духа бессмертного, смерть презревшего – человечество. Дух Творца в нем, от Духа Создателя мира сущего, к жизни призванный, Богом созданный, Богоизбранный. Как же должен ненавидеть наследника этого тот, что до начала творения абсолютную смертью царствовал в безвремении...

И узнал человек, наследник, носитель Духа животворящего, что в бессмертии целого смертен сам. Заглянул в глаза доначальному и смотрел, как текут меж пальцами времена, и чему после бурь земных Храм души его уподобится, и во что пожар его жизнью странствия перемелется. И тогда подошел к нему *некто*, спросил: «Справедливо ли? Сын останется, внук останется, все останется, только ты достанешься Мне?» И почувствовал зависть плод к семенам.

У нас тоже дело к грозе, потемнело в окне, в палате нахмурилось, хорошо, что лампочка в изголовии; мне читать, а в Писании буквы блошками, да еще и хитро подкованы блошки те. Наскакали листов папирусных в Пятикнижье гранитное, самих себя оправдания, наплясали черным по белому Бытие...

Дух, от небыти Свет отделившийся, жизнь вдохнувший в песчинку каждую, дашь ли срок Тебя от выбора нашего оправдать? Или Ты в оправдании не нуждаешься? Или в нем нуждаешься, ради нас?

«И благословил день седьмый, освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих...» Вот и все. Вот ответ, в начале самом лежит: все отдал, дождем и светом благодатным излил, жизнь вдохнул в создание Свое каждое, свет от тьмы отделил, освятил созвучие сотворенное, и почил, отошел, все живое, живо творящее оставляя плодиться, сеяться, множиться, в том продолжился...

Он нигде и во всем, был и есть, ибо Дух Его – жизни Дух, жизнь зачавший, жизнь преумножив-

ший. Он есть жизнью смерть поправшее таинство, Он есть жизнь. Он трава, древа, виноградники, Он хлеба, что до Него не росли, не сеялись, и дожди от мертвых вод отделенные, земли мертвые напоившие. Он есть все, что постигнуто, и в постигнутом бесконечность непостижимого, Он есть малое, что не видно огромному, и огромное, что невидимо малому, Он во всем, и всех, только вот не прервет навета, не отринет имя карателя, ибо беззащитен от лжи, почивший от дел земных, беззащитен свет перед тьмой, но видим во тьме. Не придет истреблять под Ним не ходящего, потому что все ходящие под небом Его, не сойдет по Иакова лестнице на отца обманувшего, не благословит ни преступного, ни невинного, ибо жизнь Им всякому данная то благословение и есть! Потому что «Папа на небе», мы на земле, потому что нет Его, но Он есть.

...Все, что далее здесь рассказано, то, выходит, дело наследников, за наследство отца почившего, передравшихся?! То один наследник писал, то другой чернилой братской кровавою, ибо многими писана, переписана, переведена на множество со-голос, голосащих про «богоизбранность», и бы ладно бы! Только это же «богоизбранность» ближнего истреблять?! Все что далее, значит, Анюшка, до страницы трехсотая, где закончено дело это словом «Аминь»?! Ибо Дух, сей мир сотворивший, не знавший зависти, ревности, благословил в саду Своем каждый камушек, зернышко, муравейчика, освятил и почил, на странице второй Писания, предоставив наивно наследникам Свое наследие сохранить?!

Не стыдись друг друга, наги как рождены, жили двое в землях Едемowych, мужчина и женщина, из единого праха взятые, были смертными, но не ведали страха смертного, ибо были созданы сеяться в единении и продолжиться, ибо всякому от Господа старчеству больше радости в детской новости, чем в бессменности. И не ведали мужчина и женщина зависти друг к другу, от разности, ибо были разны от целого, и одно. И был рай им, рай был земной от Духа животворящего, в сохранение и познание, в продолжение... И от прежде мертвенных вод поднимался пар в небеса, орошая земли ожившие...

И стояло посреди сада этого дерево, и всякое было в той земле дерево плодоносное, для познания зла-добра, только зла в том дереве не было, был закон бессмертия яблока в семенах! И это познать, понять и принять свободен был человек.

И текла из сада Едемского, разделяясь на четыре ветви, река, поила поля, было золото бдолах и камень оникс, и жил человек, чтобы земли живые возделывать, сеяться, плодиться и множиться, жизнь хранить. И благословил Дух все, что было им из прежде мертвого создано, и зверей, и рыб, и птиц, древа и хлеба, и благословил человека, наследника, в нем и все человечество, ибо Сам уходил.

И привел Дух к человеку зверей и птиц, чтобы видеть, как человек, Ему уподобившись, назовет удивительных тварей сих. И на день седьмый покинул Едем.

И остались в саду мужчина и женщина, и остались все звери, птицы, рыбы, деревья, колосья и виноградники, твердь небесная и земля, и остались воды поящие, и осталась жизнь, бессмертная, Богоданная, но еще один остался, *некто*, в саду. Тот, кто был хитрее всех зверей полевых, тот, кто жаждал вернуть ожившему саду этому доначальное царство мертвое.

Сон приснился страшный сегодня, Анюшка. Запишу.

Вижу, как бы внизу, плоскость некую, безмятежную, тело же мое мне невидимо, меня нет, и нет никого, и свое присутствие, сущность в виденном, могу опознать только ужасом, полным ужасом, перед ним.

Там поверхность ровная, неподвижная, цвет как тень, не ночь и не день, но сумерки. Слой поверхности можно видимо зачерпнуть, потревожить движением, только некому.

Это место то самое, доначальное, или место, где все закончится, где еще не ступала нога человечества, или против того, ушла без следа. Не бесплотное, ибо плоть его составляет прах, прах есть плоть, в пески времени превращенная, но пески уже неподвижные, в них отсутствие движения всякого, духа жизни. Но же самое дикое, что была пустыня эта мертвая нераздельная, горизонта у нее не было... как на плоскости холстовой серой солью, пылью легкой или пеплом присыпанной, а под этой присыпью твердь.

Да, пустыня, но пустыня небом кончается, а у этой окончания не было, предо мною было как бы море застывшее, бесконечность мертвого. Прах, превисивший небеса.